

Далёкий, но нашёнский: как и чем живёт литература на Дальнем Востоке

Исторически сложилось так, что лучшие книги о Дальнем Востоке пишут недалёневосточники.

Началось всё с Пушкина, вплотную подбиравшегося к сюжету о покорении Камчатки, но не успевшего воплотить

этот замысел из-за роковой дуэли. Следующим был Гончаров, написавший трэвелог «Фрегат «Паллада» не только собственно о морском путешествии, но и о долгом возвращении домой сушей через всю Сибирь. Затем Чехов, отправившийся на каторжный Сахалин...

Росли и местные кадры – назвать хотя бы основателя целой литературной династии, уроженца Японии и жителя Владивостока Николая Матвеева-Амурского (его сын – футурист Венедикт Март, внук – поэт эмиграции второй волны Иван Елагин, внучка – поэт и исполнитель Новелла Матвеева).

Но преодолеть локальный масштаб удавалось считанным единицам. Прежде всего это автор «Дерсу Узала» Арсеньев и автор «Разгрома» приморский партизан Фадеев (впрочем, реализовавшийся как писатель уже в столице).

В 1930-х на Дальний Восток – передний край в военном и невоенном смысле – писатели ехали пачками: от Пришвина, Гайдара, Симонова и Павленко до Фраермана, Диковского, Долматовского и Сельвинского. Иные оказались в этих краях поневоле – как автор «Колымских рассказов» Шаламов. Ещё позже хлынула волна романтиков-шестидесятников...

Что до коренных «гениев места», то они растут долго и сложно. Для этого нужны среда, почва, время... Регион молодой, людей мало.

Поэтому дальневосточное крыло русской словесности оставляет двойственное ощущение: интереснейшие темы при дефиците авторов провинциального пошиба.

В литературные центры страны ни Владивосток, ни Хабаровск не вошли и, видимо, не войдут.

Особого оптимизма ситуация с литературой и книгоизданием на Дальнем Востоке, честно говоря, не вызывает.

Советскую практику многие ругают, но это была система, которая работала. Существовали мощные региональные издательства – владивостокский «Дальиздат»

с отделениями на Сахалине и Камчатке, Хабаровское и Магаданское книжные издательства... Они нередко выпускали настоящие жемчужины. Эти книги до сих пор попадают мне на книжных развалах или у мусорных контейнеров – и всякий раз не могу пройти мимо.

В 60-е – 80-е на Дальнем Востоке писали и издавались замечательные авторы – приморцы, приамурцы, магаданцы... Это Иван Басаргин («Дикие пчёлы»), Александр Плетнёв («Шахта»), Станислав Балабин («Пёстрые стрелы Сульдэ»), Юрий Вознюк («Таёжная одиссея»), Анатолий Буйлов («Тигроловы»), Владислав Лецик («Пара лапчатых унтов»), Геннадий Машкин («Синее море, белый пароход»), Альберт Мифтахутдинов («Закон полярных путешествий»), Радмир Коренев («Опасное затишье») – список можно продолжать.

Широко печатались авторы национальные. Наиболее известным стал обосновавшийся в Ленинграде чукча Юрий Рытхэу, но были и нанаец Григорий Ходжер, и удэгейцы Джанси Кимонко и Николай Дункай, и нивх Владимир Санги. Ещё в 60-х канадский писатель и эколог Фарли Моуэт, побывав в Сибири и на Дальнем Востоке, с удивлением отметил, что в Якутске, например, выходит 30–50 оригинальных книг местных авторов в год. Увидев, что большинство местных художников, писателей, журналистов – якуты, эвенки и юкагиры, Моуэт признался: «Не могу себе представить даже отдалённо сопоставимую картину в Америке». Теперь эти и другие авторы почти не издаются. Мы теряем интереснейший, ценнейший культурный пласт.

Распад СССР сделал Дальний Восток ещё более периферийным, чем это задано самой географией. Столичные писатели ездить в «творческие командировки» перестали, местных уже никто не читал, да особо и не печатал. Разрушение системы книгоиздания и книгораспространения больше всего ударило именно по малозаселённым отдалённым регионам.

Сегодня всё держится на частной инициативе, на редких энтузиастах, вернее даже – подвижниках.

Такие замечательные издательства, как владивостокский «Рубеж», выпускающий наследие русского Харбина и современных дальневосточных авторов (назовём для примера безвременно ушедшего приамурского прозаика Владимира Илюшина и здравствующего на Сахалине Владимира Семенчика), или магаданский «Охотник», недавно издавший первое собрание сочинений Мифтахутдинова, кажутся скорее исключениями.

Большая часть продукции, представляемой на региональных книжных ярмарках, – или самиздат в плохом смысле слова, или пиаровские книги о красотах природы и достоинствах губернаторов.

«Толстым» журналам и в Москве несладко – что уж говорить о дальневосточных? «Либо хорошо, либо ничего».

Может быть, я перегибаю палку, но мне кажется, что лучшие тексты о шальном Владивостоке 1990-х созданы вообще не писателями. Это пособие «Организованная преступность Дальнего Востока...» профессора-юриста Виталия Номоконова и «Ремонт японского автомобиля» механика Сергея Корниенко. Очень надеюсь, что в скором времени мы прочтём замечательную книгу Игоря Кротова «Чилима» – она как раз о Владивостоке 90-х, её очень не хватало.

Нечастые достойные издания, всё-таки выходящие в свет на Дальнем Востоке, практически не участвуют в общероссийском литературном процессе. Нужно издаваться в Москве или Петербурге, иначе тебя просто не заметят ни критик, ни широкий читатель. Хотя какой он широкий, если даже в Москве считается нормальным тираж в 2-3 тысячи экземпляров – и это не у новичка, а у писателя вполне на слуху?

Вот что говорит основатель и глава «Рубежа» Александр Колесов: «Когда мы начинали серию современной прозы «Архипелаг ДВ» (в ней вышли книги Владимира Илюшина, Бориса Казанова, Ивана Басаргина, Бориса Черных, Ильи Фаликова и др. – В. А.), мы имели в виду, что Дальний Восток России и его литература существуют отдельным, оторванным образом. Большинство дальневосточных писателей почти неизвестны в Москве. Нам хотелось исправить эту несправедливость. Была надежда, что региональные власти заметят, оценят и поддержат наш рискованный шаг. Мы не говорим: «Дайте нам денег». Мы говорим, что книжное дело может выжить за счёт нормально налаженной практики комплектования библиотек. Я надеялся, что региональные власти будут закупать у нас часть тиража этой книжной серии. В большом количестве регионов России этот механизм работает. У нас, к сожалению, нет. Поэтому мы были вынуждены на время приостановить эту серию. Уже готовы к выходу книги Анатолия Лебедева и Виктора Пожидаева, но мы сможем их издать только при спонсорской поддержке. Нормальный бизнес-механизм в книгоиздании на Дальнем Востоке не работает. Но это не значит, что книжное дело в огромном регионе, объемлющем больше трети территории России, должно умереть».

Где нет таких людей, как тот же Колесов или Павел Жданов (руководитель «Охотника»), нет почти ничего. В июле 2018 года ушёл из жизни замечательный владивостокский критик Александр Лобычев – и всё, заменить его нечем. Второго Лобычева нет на всём Дальнем Востоке.

Есть рудиментарные союзы писателей, существующие сегодня непонятно зачем. Есть и новые тусовки, в том числе молодёжные. Люди собираются, читают стихи... Это хорошо, какое-то движение должно быть, оно есть.

Но по гамбургскому счёту Дальний Восток может предъявить стране и миру немного.

Показательно, что самые интересные авторы, как правило, вне тусовок. Скажем, Лора Белоиван, живущая в приморской Тавричанке и издающаяся в Москве (последняя её книга – сборник отличных рассказов «Южно-русское Овчарово»).

Есть ощущение, что Дальний Восток по-настоящему ещё не открыт, ждёт своих Шолоховых. Вот только где они? Один из персонажей Джека Лондона сетовал: «... в Сан-Франциско всегда была своя литература, а теперь нет никакой. Скажи О'Хара, пусть постарается найти осла, который согласится регулярно поставлять для „Волны“ серию рассказов – романтических, ярких, полных настоящего сан-францисского колорита». Вот и у нашего Владивостока именно такая нехватка, причём хроническая. Он в силу ряда причин не стал новой Одессой, не создал своих Багрицкого, Олешу, Катаева, Бабеля... Целые горы сюжетов канули в Японское море. Великое переселение крестьян в Приморье, открытие колымского золота Билибиным, маньчжурский «блицкриг» 1945 года, Даманский – тем хватило бы на несколько национальных литератур.

В своё время интереснейший побег русской словесности дала в Харбине и Шанхае эмиграция первой волны. В стихах и прозе переплавлялись личный опыт, революционная эпоха, азиатские культуры. Это Арсений Несмелов, Михаил Щербаков, Борис Юльский – многим ли знакомы эти имена? В наше время открытых границ азиатское соседство могло бы дать новый импульс дальневосточной русской литературе. Но навскидку вспоминаются лишь две книги «русских японцев» Вадима Смоленского и Дмитрия Коваленина – соответственно «Записки гайдзина» и «Коро-коро». Даже мы, дальневосточники, щеголяющие

своей близостью к Азии, почти изолированы от соответствующих культур, живя в привычном пространстве русской, европейской, американской словесности, музыки и кинематографии.

Теперь попробую «за здравие». В самые последние годы обозначилась, скажем так, тихая новая мода на Дальний Восток. Непаханое поле стали возделывать самые разные авторы. Причём, как и раньше, в основном неместные. Александр Кузнецов-Тулянин написал великолепный роман «Язычник» о кунаширских рыбаках. Виктор Ремизов – остросюжетный, не побоюсь этого слова, роман «Воля вольная» о мужиках с охотоморского побережья. Сибиряк Михаил Тарковский – «Тойоту-Кресту», в которой он постигает зауральское зазеркалье посредством праворульных японских автомобилей. Бестселлером стала «Зимняя дорога» Леонида Юзефовича – документальный роман об одном из последних сполохов Гражданской войны на Дальнем Востоке. Андрей Геласимов в «Розе ветров» рассказал об Амурской экспедиции Геннадия Невельского. Эдуард Веркин написал постапокалиптическую антиутопию «Остров Сахалин». Историк Александр Куланов – замечательные ЖЗЛ-биографии Романа Кима, Василия Ощепкова и Рихарда Зорге.

Конечно, хочется повторения в дальневосточных реалиях феномена «великих сибиряков» – Распутина, Астафьева, Вампилова... Если на берегах Енисея и Ангары рождалась литература не то что всероссийского – мирового уровня, то не может ли она рождаться и на тихоокеанском побережье?

Эти мои желания и надежды пока никакими серьёзными основаниями не подкреплены.

Но – так или иначе – литературное освоение территории продолжается. Впереди, без сомнений, много интересного.

Александр Лобычев, автор книги эссе «На краю русской речи», говорил мне: «Насколько я ощущаю жизнь нашей литературы, дальневосточной в том числе, она подобна ключу в тайге: он может вырваться наружу, пошуметь, потом исчезает, уходит под землю и выныривает в другом месте».

Верю, что это так.